

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 4 (2019)

Оглавление

<i>В сфере административно-правовых отношений</i>	2
<i>вопросы административного выдворения (депортации)</i>	2
практика Европейского Суда по правам человека	2
<i>условия содержания в местах лишения свободы</i>	6
практика Европейского Суда по правам человека	6
<i>право на свободу и личную неприкосновенность</i>	6
практика Европейского Суда по правам человека	6
<i>установление возраста ребенка (в сфере миграционных отношений)</i>	7
практика Комитета по правам ребенка	7
<i>В сфере гражданско-процессуальных отношений</i>	11
<i>право лишенного свободы лица на личное участие по гражданскому делу</i>	11
практика Европейского Суда по правам человека	11
<i>В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений</i>	11
<i>запрет пыток, иного недопустимого обращения</i>	11
практика Европейского Суда по правам человека	11
<i>вопросы выдачи</i>	14
практика Европейского Суда по правам человека	14
<i>право на свободу и личную неприкосновенность</i>	14
практика Европейского Суда по правам человека	14
<i>право на суд, созданный на основании закона</i>	15
практика Европейского Суда по правам человека	15

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 – 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика межгосударственных органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

В сфере административно-правовых отношений

вопросы административного выдворения (депортации)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам по жалобам №№ 35332/17 и 79223/17 «*С.С. и Б.З. против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 11 июня 2019 г.), в котором установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с выдворением гражданина Таджикистана С.С. Одновременно указано, что выдворение гражданина Республики Узбекистан Б.З. будет также являться нарушением данной статьи. Наряду с этим установлено нарушение статьи 3 Конвенции из-за необеспечения надлежащих условий содержания С.С. под стражей, пункта 4 статьи 5 Конвенции - в связи с чрезмерно длительным рассмотрением судом жалоб С.С. на постановления судов о продлении срока

¹ В рамках настоящего обзора понятие «межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека» охватывает международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, а также Европейский Суд по правам человека.

содержания С.С. под стражей и в связи с отсутствием надлежащей процедуры для проверки законности содержания Б.З. в специальном учреждении для временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства в ожидании выдворения. Установлено также нарушение статьи 34 Конвенции в связи с выдворением С.С. вопреки введенным Европейским Судом обеспечительным мерам в соответствии с правилом 39 его Регламента.

Европейский Суд обратил внимание на то, что он уже ранее «приходил к выводу, что лица, чьей экстрадиции требовали власти Таджикистана или Узбекистана в связи с предъявленными им обвинениям в совершении преступлений религиозного или политического характера, входят в уязвимую группу лиц, которые в случае выдворения на родину действительно могут быть подвергнуты обращению, противоречащему статье 3 Конвенции» (пункт 17 постановления).

Применительно к настоящим делам Европейский Суд посчитал бесспорным тот факт, что «заявители в ходе производства по делам об экстрадиции и выдворении неоднократно делали конкретные заявления о преследовании за религиозно-экстремистскую деятельность и наличии угрозы жестокого с ними обращения. Материалы, имеющие отношение к обвинениям, предъявленным властями Узбекистана и Таджикистана были однозначны, а именно они указывали на то, что заявителям предъявлены обвинения в совершении преступлений религиозного и политического характера. Таким образом, власти Узбекистана и Таджикистана прямо указывали на их причастность к группам лиц, в отношении которых уже было признано наличие угрозы недопустимого обращения» (пункт 17 постановления).

Европейский Суд отметил, что «в ходе производства по делам об экстрадиции и выдворении российские власти не провели тщательную проверку утверждений заявителей о наличии в отношении них угрозы подвергнуться на родине жестокому обращению. Европейский Суд приходит к такому выводу на основании легкости, с которой... суды отклонили утверждения заявителей. Неубедительным выглядит и то доверие, которое.... суды демонстрировали в некоторых делах по отношению к заверениям узбекских и таджикских властей, изложенным с использованием стандартных формулировок, при том, что аналогичные заверения неоднократно ранее признавались Европейским Судом неудовлетворительными» (пункт 22 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу к выводу, что «.... власти не рассмотрели утверждения заявителей должным образом с учетом достаточных соответствующих материалов, несмотря на то, что они в достаточной мере обосновали свои утверждения о возможном применении к ним жестокого обращения на родине. В результате этого упущения выдворение заявителей стало возможным» (пункт 24 постановления).

Заявитель в деле «С.С. против Российской Федерации», жалоба № 35332/17 также жаловался на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями его содержания под стражей. Принимая во внимание свою сложившуюся прецедентную практику по данному вопросу, доводы заявителя и отсутствие доводов властей Российской Федерации, оспаривающих его доводы, Европейский Суд посчитал, что в настоящем деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с плохими условиями содержания под стражей... [в следственном изоляторе] и изоляторах временного содержания....» (пункт 32 постановления).

Заявитель в деле «С.С. против Российской Федерации» также жаловался на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с предполагаемой чрезмерной длительностью рассмотрения судом апелляционных жалоб на постановления о заключении под стражу. Европейский Суд установил, что постановления районного суда о заключении под стражу были рассмотрены городским судом через 35 и 59 дней соответственно. Принимая во внимание свою сложившуюся прецедентную практику по данному вопросу, доводы заявителя и отсутствие доводов властей Российской Федерации, оспаривающих его доводы, Европейский Суд констатировал, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции (пункт 36 постановления).

Заявитель в деле «Б.З. против Российской Федерации», жалоба № 79223/17 жаловался на нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что ему не была доступна какая-либо процедура для проверки законности его... содержания под стражей². Европейский Суд отметил, что ранее он неоднократно устанавливал нарушения прав заявителей при аналогичных обстоятельствах. Принимая во внимание свою сложившуюся прецедентную практику по данному вопросу и доводы сторон, Европейский Суд считает, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции (пункт 37 постановления).

В деле «С.С. против России», жалоба № 35332/17, заявитель жаловался на то, что его выдача являлась нарушением обеспечительных мер, назначенных Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда. Это заявление, главным образом касающееся нарушения права на подачу индивидуальной жалобы, должно было быть рассмотрено с точки зрения статьи 34 Конвенции.

Суд напомнил, что «в силу статьи 34 Конвенции Договаривающиеся Государства обязуются воздержаться от каких-либо действий или от бездействия, которые могут помешать эффективному осуществлению заявителем права на подачу индивидуальной жалобы, которое, как постоянно заявляется, представляет собой краеугольный камень системы Конвенции. В

² В процессе рассмотрения вопроса об его выдворении.

соответствии со сложившейся прецедентной практикой Европейского [С]уда, несоблюдение Государством-ответчиком временной меры влечет за собой нарушение такого права на подачу индивидуальной жалобы» (пункт 43 постановления).

Стороны не оспаривали тот факт, что «выдача заявителя состоялась 26 мая 2017 года, т.е. более чем через 24 часа после данного 24 мая 2017 года указания о применении обеспечительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, приостанавливающей высылку на период разбирательства в Суде. Кроме того, обе стороны признали, что после назначения Судом промежуточной меры Управление Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека было должным образом уведомлено об этом и передало эту информацию компетентным органам по обычным каналам связи» (пункт 46 постановления).

Как усматривалось из представленных материалов, «Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека был должным образом уведомлен о промежуточной мере не менее чем за двадцать четыре часа до экстрадиции заявителя. 24-часовой срок, сам по себе, а также при его рассмотрении с учетом доступных современных технологий, представляется достаточным для того, чтобы все компетентные органы власти были уведомлены о том, что Суд приостановил [выдачу] заявителя в Таджикистан» (пункт 49 постановления).

По мнению Европейского Суда, «ничто объективно не препятствовало соблюдению меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, и что, проигнорировав эту меру, российские власти не выполнили свои обязательства по статье 34 Конвенции» (пункт 50 постановления).

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 2236/16, 64042/17, 81344/17 и 4067/18 «*С.С. и другие против Российской Федерации*»³ (вынесено и вступило в силу 25 июня 2019 г.) и № 48917/15 «*И.У. против Российской Федерации*»⁴ (вынесено и вступило в силу 10 января 2017 г.), которыми установлено, что принудительное перемещение заявителей в республики Узбекистан и Таджикистан (в порядке

³ Заявители обвинялись в религиозных и политически мотивированных преступлениях в Таджикистане и Узбекистане.

⁴ На протяжении всей процедуры выдворения заявитель последовательно и явным образом ссылался на наличие риска подвергнуться уголовному преследованию за религиозный экстремизм, а также риску жестокого обращения. Из выданных властями Узбекистана ордера на международный розыск, ордера на арест и запроса о выдаче заявителя явно следовало, что заявитель обвинялся в совершении преступлений по религиозным и политическим мотивам.

экстрадиции либо иным способом) будет являться нарушением статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Отмечено, что национальные компетентные органы и суды при принятии решений о выдаче и выдворении не провели должного анализа утверждений заявителей о том, что в случае их высылки в государства их гражданской принадлежности они могут быть подвергнуты жестокому обращению. Вместе с тем, как указано, заявители входят в уязвимую группу лиц, которые в случае высылки на родину действительно могут быть подвергнуты обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции.

условия содержания в местах лишения свободы

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам по жалобам №№ 35332/17 и 79223/17 «**С.С. и Б.З. против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 11 июня 2019 г.).

право на свободу и личную неприкосновенность

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенные постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 2236/16, 64042/17, 81344/17 и 4067/18 «**С.С. и другие против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 25 июня 2019 г.) и № 48917/15 «**И.У. против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 10 января 2017 г.), где было установлено нарушение ст. 5 Конвенции в связи с отсутствием надлежащей процедуры для проверки законности содержания заявителей в специальном учреждении для временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства в ожидании выдворения.

установление возраста ребенка (в сфере миграционных отношений)

практика Комитета по правам ребенка⁵

Соображения Комитета по правам ребенка от 31 мая 2019 г. по *А. Л.*⁶ *против Испании* (сообщение № 16/2017).

Тема сообщения: процедура установления возраста предположительно несопровождаемого ребенка.⁷

Правовые позиции Комитета: установление возраста молодого человека, утверждающего, что он является несовершеннолетним, имеет принципиально важное значение, поскольку от этого зависит, будет ли этот человек иметь право на национальную защиту как ребенок или же такая защита ему предоставлена не будет. Аналогичным образом, а это имеет первостепенное значение для Комитета, возможность пользоваться правами, закрепленными в Конвенции, напрямую зависит от результатов вышеупомянутой процедуры установления возраста. По этой причине крайне важно обеспечить соблюдение надлежащей правовой процедуры при установлении возраста и предусмотреть возможность обжалования результатов в апелляционном порядке. На протяжении всего процесса сомнения должны толковаться в пользу рассматриваемого лица и с ним следует обращаться как с ребенком. В этой связи Комитет напоминает, что приоритетное значение на каждом этапе процедуры установления возраста

⁵ Комитет ООН по правам ребенка действует на основании Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (далее - Конвенция). Российская Федерация является государством - участником указанной Конвенции в качестве государства - продолжателя Союза ССР.

Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 года, Комитет наделен компетенцией получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции, Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятые Резолюцией № 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН.

По состоянию на 1 декабря 2019 г. Российская Федерация не являлась участником Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры подачи сообщений.

⁶ Далее – автор сообщения, автор.

⁷ Комитету предстояло решить вопрос о том, является ли применение процедуры установления возраста в отношении автора, который заявил, что он несовершеннолетний и представил в подтверждение копию своего свидетельства о рождении, нарушением его прав, закрепленных в Конвенции о правах ребенка. Автор, в частности, утверждает, что в ходе всей процедуры не соблюдался принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, что нашло свое отражение как в форме обследования, на основе которого был установлен его возраст, так и в том, что на протяжении всего процесса ему не был назначен опекун или представитель.

должно уделяться наилучшему обеспечению интересов ребенка⁸ (пункт 12.3 Соображений).

Комитет напоминает также, что в отсутствие документов, удостоверяющих личность, или других способов достоверной оценки возраста, государствам следует проводить комплексный анализ физического и психологического развития ребенка силами специалистов-педиатров или других специалистов, обладающих навыками комплексного анализа различных аспектов развития. Такой анализ должен быть оперативным, учитывать потребности ребенка, культурные особенности и гендерные аспекты, а беседы с детьми должны проводиться на понятном ребенку языке. Имеющиеся документы следует считать подлинными, пока не будет доказано обратное. Должны приниматься во внимание и заявления самих детей. Кроме того, крайне важно толковать сомнения в пользу рассматриваемого лица. Государствам следует воздерживаться от использования медицинских методов установления возраста, таких как обследование состояния костей и зубов, которые при свойственной им большой погрешности могут оказаться неточными, нанести травму и повлечь применение ненужных правовых процедур⁹ (пункт 12.4 Соображений).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 6 относительно того, что следует учитывать не только внешние физические данные лица, но и степень его или ее психологической зрелости, а оценка должна проводиться на научной, безопасной, учитывающей интересы ребенка и фактор его пола, а также справедливой основе, при том что в случае наличия сомнений вопрос должен решаться в пользу рассматриваемого лица, т. е. если есть вероятность того, что данное лицо является ребенком, то с нею или с ним следует обращаться как с таковым¹⁰ (пункт 12.7 Соображений).¹¹

Комитет напоминает, что государствам-участникам следует как можно скорее по прибытии в страну всех молодых людей, утверждающих, что они являются несовершеннолетними, назначать им на безвозмездной основе законных представителей, владеющих соответствующим языком. Комитет считает, что обеспечение представительства вышеупомянутых лиц в процессе установления их возраста равнозначно толкованию сомнений в их пользу и является важной гарантией наилучшего обеспечения их интересов и

⁸ См. Соображения Комитета по делу *Н.Б.Ф. против Испании* CRC/C/79/D/11/2017), пункт 12.3.

⁹ Совместное Замечание общего порядка № 4 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 23 (2017) Комитета по правам ребенка, пункт 4.

¹⁰ Замечание общего порядка № 6, пункт 31 i), и *Н.Б.Ф. против Испании*, пункт 12.7.

¹¹ Комитет принимает к сведению вывод государства-участника о том, что автор выглядит явно взрослым и что вследствие этого он может рассматриваться непосредственно как таковой без необходимости представления каких-либо доказательств, несмотря на то, что для установления возраста было проведено рентгенологическое исследование.

соблюдения их права быть заслушанными¹². Непринятие таких мер представляет собой нарушение статей 3 и 12 Конвенции [о правах ребенка], поскольку процедура установления возраста является отправной точкой для применения положений Конвенции. Отсутствие своевременного представительства может привести к существенной несправедливости (пункт 12.8 Соображений).

Комитет считает, что возраст и дата рождения ребенка являются частью его индивидуальности и что государства-участники обязаны уважать право ребенка на ее сохранение, не лишая его ни одного из ее элементов (пункт 12.10 Соображений).

Комитет напоминает, что, ратифицировав Факультативный протокол, государства-участники берут на себя международное обязательство соблюдать временные меры, предусмотренные в статье 6 этого протокола, которые могут предотвратить нанесение непоправимого вреда в то время, как сообщение находится на рассмотрении, обеспечивая тем самым эффективность процедуры рассмотрения индивидуальных сообщений¹³ (пункт 12.12 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: а) для установления возраста автора, который по прибытии на испанскую территорию не имел при себе документов, он был подвергнут медицинскому обследованию, заключавшемуся в рентгенографии его левой кисти, при этом не было проведено каких-либо дополнительных проверок, в частности психологической оценки, и не существует подтверждений того, что с автором была проведена беседа в ходе этого процесса; б) в результате единственного проведенного обследования сотрудники больницы установили, что, согласно атласу Грейлиха-Пайла, костный возраст автора превышал 19 лет, не указав возможной погрешности; и с) на основе этого медицинского заключения провинциальная прокуратура Альмерии издала постановление о признании автора совершеннолетним; и d) прокуратура не рассмотрела копию свидетельства о рождении, представленную автором 22 мая 2017 года, на предмет возможного пересмотра постановления о его признании совершеннолетним (пункт 12.5 Соображений).

Государство-участник сослалось на дело *М.Е.Б. против Испании* в качестве примера, демонстрирующего надежность рентгенологического исследования на основе атласа Грейлиха-Пайла. Вместе с тем Комитет отмечает содержащуюся в деле подробную информацию, свидетельствующую о недостаточной точности такого обследования, которое допускает значительную погрешность и поэтому не может служить в качестве единственного метода установления хронологического возраста молодого человека, заявившего, что он является несовершеннолетним и

¹² *Н.Б.Ф. против Испании*, пункт 12.8.

¹³ Там же, пункт 12.11.

представившего подтверждающие это документы¹⁴ (пункт 12.6 Соображений).

Комитет считает, что возраст автора, который заявил, что он является ребенком и впоследствии представил соответствующие доказательства, был установлен без соблюдения гарантий, необходимых для защиты его прав, закрепленных в Конвенции. С учетом обстоятельств данного дела, и в частности обследования, проведенного с целью установления возраста автора, отсутствия у него представителя в ходе этой процедуры и почти автоматического отклонения представленного автором свидетельства о рождении в качестве доказательства, без проведения государством-участником даже формальной проверки его данных и в случае сомнения подтверждения их в консульских учреждениях Алжира, Комитет считает, что наилучшие интересы ребенка не были приняты в качестве основного фактора при определении его возраста в нарушение статьи 3 Конвенции (пункт 12.9 Соображений).

Комитет... принимает к сведению утверждения автора о том, что государство-участник нарушило его права, изменив элементы его индивидуальности, указав возраст и дату рождения, которые не соответствовали информации, содержащейся в его свидетельстве о рождении, даже после представления копии этого свидетельства испанским властям.... В данном случае Комитет отмечает, что, даже когда автор представил испанским властям копию своего свидетельства о рождении, содержащую элементы индивидуальности ребенка, государство-участник не обеспечило уважение индивидуальности автора, не придав никакой доказательной силы копии его свидетельства о рождении без предварительного официального изучения компетентным органом данных, содержащихся в свидетельстве, и не уточнив, в качестве альтернативы, эти данные у властей страны происхождения автора. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что государство-участник нарушило статью 8 Конвенции (пункт 12.10 Соображений).

Комитет принимает к сведению утверждения автора о невыполнении государством-участником временной меры по его переводу в центр по защите несовершеннолетних на период рассмотрения его дела.... Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что перевод автора в центр по защите несовершеннолетних может представлять серьезную опасность для содержащихся там детей. Вместе с тем Комитет отмечает, что этот аргумент основывается на предположении, что автор является совершеннолетним. Комитет считает, что большую угрозу может представлять собой содержание предполагаемого ребенка в центре, предназначенном только для взрослых, которые были признаны таковыми. В этой связи Комитет считает, что невыполнение запрошенной временной

¹⁴ *Н.Б.Ф. против Испании*, пункт 12.6.

меры само по себе является нарушением статьи 6 Факультативного протокола (пункт 12.12 Соображений).

Вывод Комитета: представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 3, 8 и 12 Конвенции и статьи 6 Факультативного протокола (пункт 12.13 Соображений).

В сфере гражданско-процессуальных отношений

право лишенного свободы лица на личное участие по гражданскому делу

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступили неофициальные переводы постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам № 40913/14 «*Румянцев и другие против Российской Федерации*» и 4 другим жалобам (вынесено и вступило в силу 14 июня 2018 г.), № 24948/05 «*Артеменко против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 22 ноября 2016 г.), где было установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с отсутствием заявителей, которые были лишены свободы, в судебном заседании по гражданскому делу.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

запрет пыток, иного недопустимого обращения

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 1935/07 и 41798/07 «*Затынайко против Российской Федерации*» (вынесено и вступило в силу 25 июня 2019 г.), которым, в частности, установлено нарушение статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ввиду вынесения областным судом приговора *Затынайко В.А.*¹⁵ и *Затынайко А.А.*¹⁶ незаконным составом суда. Выявлено также нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с содержанием *Затынайко В.А.* под стражей в период повторного рассмотрения его дела судом в отсутствие судебного постановления. Одновременно установлено нарушение ст. 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с *Затынайко А.А.*, а также необеспечением эффективного расследования по данным фактам.

¹⁵ Далее также – первый заявитель.

¹⁶ Далее также – второй заявитель.

Что касается травм, причиненных второму заявителю 15 мая 2006 года и 27 декабря 2007 года, Суд отметил, что «медицинские доказательства, представленные сторонами, убедительно демонстрируют, что заявитель получил синяки размером от 20-27 кв. см и 30–45 кв. см на бедрах. Кроме того, стороны не оспаривают тот факт, что в период рассматриваемых событий второй заявитель содержался под стражей. Отсюда следует, что государство обязано предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение любым травмам, которые он получил» (пункт 50 постановления).

Суд посчитал, что, «хотя эксперт пришел к выводу, что «заявителю не требовалось какое-либо медицинское лечение», сам по себе этот факт не может исключать вывод о том, что жестокое обращение было достаточно серьезным, чтобы считаться бесчеловечным или унижающим достоинство. Суд считает, что степень ушиба, обнаруженная врачом, который осматривал второго заявителя, указывает на то, что травмы последнего были достаточно серьезными, чтобы составить жестокое обращение в рамках статьи 3 [Конвенции]» (пункт 53 постановления).

Принимая во внимание вышеизложенное, Суд пришел к выводу, что 15 мая 2006 года и 27 декабря 2007 года второй заявитель был подвергнут жестокому обращению, за которое несут ответственность национальные власти, и которое представляло собой бесчеловечное обращение, противоречащее статье 3 Конвенции. Соответственно, было допущено нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции (пункт 54 постановления).

Что касается утверждений второго заявителя о жестоком обращении в 2009 и 2010 годах, Европейский Суд, во-первых, отметил, что «он не представил каких-либо убедительных доказательств в подтверждение своих заявлений о том, что 10 августа 2009 года и в сентябре 2009 года ему завязали глаза, подвесили за руки..., после чего он подвергнулся воздействию электрическим током со стороны охранников исправительной колонии или что 12 мая 2010 года несколько охранников избили его в кабинете начальника исправительной колонии» (пункт 55 постановления).

Суд признал, что «заклученным может быть сложно раздобыть доказательства жестокого обращения с ними со стороны сотрудников тюрем. Однако он отмечает, что второй заявитель не указал, например, что ему когда-либо отказывали в разрешении на прием к врачу в связи с какой-либо травмой, предположительно полученной в вышеуказанные даты. В 2010 году он действительно пытался возбудить уголовное дело в отношении сотрудников исправительной колонии. Однако это требование касалось жестокого обращения, которое предположительно имело место в 2006 и 2007 годах... Он не объяснил, почему он не жаловался на жестокое обращение с ним в 2009 и 2010 годах» (пункт 56 постановления).

При таких обстоятельствах Суд посчитал, что представленные ему материалы, касающиеся утверждения второго заявителя о том, что в

исправительной колонии он подвергался жестокому физическому и психологическому обращению, не являются достаточными доказательствами, подтверждающими такой вывод (пункт 57 постановления).

Что касается проведения эффективного расследования, то Европейский Суд заметил, что «16 ноября 2010 года второй заявитель попытался возбудить уголовное дело по факту предполагаемого жестокого обращения, которому он подвергся 15 мая 2006 года и 27 декабря 2007 года. Наличие указанных травм было подтверждено судебно-медицинской экспертизой второго заявителя, проведенной в день предполагаемого жестокого обращения.... Его требование, таким образом, выглядело правдоподобным, и внутригосударственные органы власти были обязаны провести эффективное расследование, удовлетворяющее требованиям статьи 3 Конвенции» (пункт 59 постановления).

Суд отметил, что «утверждения второго заявителя о жестоком обращении были рассмотрены начальником администрации исправительного учреждения. Впоследствии его выводы были подтверждены сначала помощником прокурора Оренбургской области, а затем следователем И. Таким образом, проблема в настоящем деле заключается не столько в том, была ли какая-либо форма расследования вообще, а в том, проводилась ли оно усердно, были ли полностью расследованы утверждения заявителя и, соответственно, можно ли рассматривать расследование как «эффективное» по смыслу статьи 3 Конвенции» (пункт 60 постановления).

«[О]бстоятельства предполагаемого жестокого обращения, как было установлено Европейским Судом, были первоначально рассмотрены главой администрации исправительной колонии, который полагался исключительно на заявления охранников. Хотя он сослался на судебно-медицинскую экспертизу, никаких заключений по этим конкретным свидетельским показаниям сделано не было. Постановление было оставлено в силе помощником прокурора, который повторил выводы начальника исправительного учреждения... Наконец, следователь И. из областного следственного комитета, который в итоге решил не возбуждать уголовное дело, допросил как второго заявителя, так и охранников исправительного учреждения. Стоит заметить, что постановление И. об отказе в возбуждении уголовного дела содержало обобщенные выводы и не содержало никакой аргументации. Что куда более важно, не было предоставлено объяснение того, почему показания охранников считались более достоверными, чем рассказ заявителя о событиях... Таким образом, представляется, что следственный орган без какого-либо обоснования отдавал предпочтение показаниям, предоставленным охранниками и работниками исправительной колонии (пункт 61 постановления).

Европейский Суд пришел к заключению, что «отказ возбудить уголовное дело на основании правдоподобных заявлений, сделанных вторым заявителем, о том, что ему были нанесены травмы в результате жестокого

обращения 15 мая 2006 года и 27 декабря 2007 года, свидетельствовал о неспособности провести эффективное расследование касательно предположений о жестоком обращении, как предусмотрено статьей 3 Конвенции» (пункт 63 постановления).

В Верховный Суд также поступили копии неофициальных переводов постановлений Европейского Суда по правам человека по жалобам № 25082/06 **«Попов против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 2 июля 2019 г.) и № 16831/10 **«Габбазов против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 5 марта 2019 г.), которыми установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ввиду необеспечения эффективного расследования фактов предполагаемого жестокого обращения с заявителями, а равно в связи с жестоким обращением с *Габбазовым А.Г.* со стороны сотрудников правоохранительных органов.

вопросы выдачи

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам по жалобам №№ 35332/17 и 79223/17 **«С.С. и Б.З. против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 11 июня 2019 г.), а также постановления по жалобам №№ 2236/16, 64042/17, 81344/17 и 4067/18 **«С.С. и другие против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 25 июня 2019 г.) и № 48917/15 **«И.У. против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 10 января 2017 г.).

право на свободу и личную неприкосновенность

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 1935/07 и 41798/07 **«Затынайко против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 25 июня 2019 г.).

См. также вышеприведенное постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 24948/05 **«Артеменко против Российской Федерации»** (вынесено и вступило в силу 22 ноября 2016 г.), согласно которому из списка подлежащих рассмотрению дел исключена жалоба заявителя на нарушение п. 1 ст. 5 Конвенции из списка подлежащих рассмотрению дел в связи с декларацией властей Российской Федерации о

готовности добровольно выплатить заявителю компенсацию причиненного вреда ввиду незаконного содержания под стражей.

право на суд, созданный на основании закона

практика Европейского Суда по правам человека

См. вышеприведенное постановление Европейского Суда по правам человека по жалобам №№ 1935/07 и 41798/07 «**Затынайко против Российской Федерации**» (вынесено и вступило в силу 25 июня 2019 г.).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, размещены по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.